

Феминистская география и исследования пространства (обзор литературы)

Анастасия Красильникова

Размышления о роли пространства в социальной жизни – важная тема феминистских исследований. Сразу вспоминается известный текст писательницы Вирджинии Вульф “Своя комната”,¹ в котором она анализирует условия, необходимые женщинам для успешной творческой работы. Вульф утверждает: неудивительно, что женщинам сложнее преуспеть в литературе, ведь для полноценного творчества необходимы собственное личное пространство и финансовая независимость – привилегии, которых женщины были лишены. Поэтесса и феминистка Одри Лорд описывает² патриархат как дом, который необходимо разрушить, изобретя для этого новые критические технологии: “Инструментами мастера невозможно разрушить дом мастера”.³ Проблематика пространства играет важную роль и в концепции номадизма Розы Брайдогги,⁴ в которой она представляет феминистку как номаду. Право на мобильность – одно из главных завоеваний женщин, на взгляд Брайдогги. Номадизм делает возможным перемену позиций через утверждения различия полов. “Номадический стиль – это переходы и передвижения без установленного заранее места назначения, без утраченной родины” – пишет Брайдогги.⁵ Женщины, по мнению феминистского философа, – кочующие интеллектуалки, они не изгнанницы, так как сами отрицают свою принадлежность какой-либо территории.

Пространство становится объектом более пристального изучения в феминистской теории и гендерных исследованиях после так называемого «пространственного поворота» в гуманитарных науках. Пространственный, или топологический, поворот в гуманитарных науках произошел в 80-е годы. Он продолжает традицию поворотов: лингвистический поворот, иконический и т.д. Культурная география возникла как ответвление социально-экономической, но в 80-е годы, что совпадает с появлением пространственного поворота, формируется “новая культурная география”. На нее повлияли неомарксистская традиция, постколониальная и феминистская теории. Собственно, феминистская география – часть культурной географии. Пространственный поворот делает культурную географию мейнстримным течением в гуманитаристике, она перестает быть маргинальной

областью знания. По словам Александра Филиппова, “культурная география является одной из наиболее чутких к изменениям социальной структуры общества наук”.⁶ В ней подвергаются критическому переосмыслению сложившиеся пространственные деления на запад и восток, центр и периферию и, конечно, мужское и женское.

Предтечами пространственного поворота считаются работы Анри Лефевр⁷ и Мишеля Фуко.⁸ Самыми значительными современными представителями новой культурной географии и основоположниками пространственного поворота являются Дэвид Харви⁹ и Эдвард Соджа.¹⁰ Оба испытали мощное влияние Лефевра, оба развивали в своих работах идею “spatial justice”, то есть пространственного выражения справедливости. И Соджа, и Харви полагали, что гуманитарным наукам необходимо отходить от повсеместного историзма, сосредоточенности на времени и истории в пользу поворота к географичности, к пространству. Теория Лефевра стала общим местом для всех теоретиков пространственного поворота, поскольку он объединил в ней главное – взаимовлияние реального и осмысленного пространства. Это позволило политизировать пространство, указать на его связь с капиталом, ресурсами и социальными отношениями. Однако представительницы феминистской географии указали на недостаточность данной политизации, обратившись к тезису “личное – это политическое”.

Например, культурные антропологи Генриетта Мур¹¹ и Майкл Розальдо,¹² а также Ширли Арденер¹³ считают, что пространства любых видов всегда строго гендеризированны. – по их мнению есть маскулинные места, а есть феминные. Их точку зрения разделяет социолог Дафна Спэйн.¹⁴ Анализируя пространственный порядок различных институций, она пришла к выводу, что он поддерживает гендерные иерархии через ограничение доступа к маскулинным местам, с помощью которого можно получить доступ к ценным ресурсам. Спейн рассматривает различные виды гендеризированных мест и их корреляцию со статусом женщин в том или ином обществе. Хотя статус женщин является результатом различных культурных, религиозных и социально-экономических факторов, физическое разделение женщин и мужчин также усиливает гендерную стратификацию, сокращая доступ женщин к социально ценным знаниям. Спейн рассматривает пространственное деление с учетом трех аспектов: жилища, места образования и места работы. Также она отдельно анализирует доиндустриальные сообщества и, соответственно, индустриальные.

По мнению Спейн, монгольская юрта – пример жилища в традиционном обществе с гендерной сегрегацией и низким статусом женщин. Она разделена на ритуальную мужскую половину слева от входа и ритуально

очищенную женскую половину справа. Священные тексты всегда хранились на мужской части юрты, женщины не имели доступа к знанию. Однако после революции, с 1921 году книги стали переносить на женскую половину жилища, чтобы улучшить грамотность женщин, а, значит, и повысить их статус. Другими примерами являются индейцы барасана в Южной Америке, берберы¹⁵ в Алжире и общности пурда в Индии и Иране – все они имеют гендерно сегрегированное жилище и низкое социальное положение женщин. Но, например, на Бали, у яконов в Филиппинах и туарегов в Африке в районе Сахары ситуация следующая – в этих домах нет деления на женскую и мужскую части, а статус женщин достаточно высок по меркам традиционных обществ.

В обществах, где женские и мужские задачи географически разделены (например, когда мужчины охотятся, а женщины готовят еду), статусы женщин ниже, чем в обществах, в которых женский и мужской труд осуществляется в пространственной близости. Например, для североамериканских эскимосов и племен Водабе в Нигерии характерен сегрегированный труд и низкий статус женщин; Западный Банток Филиппин и Бари Южной Америки представляют пространственно интегрированную рабочую силу и более высокий статус женщин.

В то же время антропологи указывают на кейсы, не вписывающиеся в логику данного пространственного анализа. Например, жилище навахо хоган символически разделено на мужскую и женскую части, но женщины навахо имеют относительно высокий статус. Народ бемба в Замбии имеет как гендерно эксклюзивные святы места, так и высокий статус женщин.

Что касается индустриального западного общества, то меняющееся положение женщин вносило коррективы и в пространственные отношения того времени. Рассматривая пространственные институты в США, Спейн обнаруживает постепенное сокращение гендерных пространств, что коррелирует с изменением статуса женщин. Так, на смену викторианскому дому с кабинетом для мужчины, библиотекой и разделенными пространствами пришел коттедж. Более простой в конструкции, он изобилует общими пространствами – гостиная, столовая. Уже в 20 веке более популярной формой жилья становится ranch house – тот самый домик из американской мечты с зеленой лужайкой, низким белым забором и почтовым ящиком. Тем не менее, для этого исторического периода большое значение дом уже не имеет – ведь все социально значимое знание производится не там, а в местах обучения и работы. Дом стал местом воспроизводства, то есть репродуктивного труда, поддерживающего жизнь семьи, в то время как производительный труд был перенесен вовне – на фабрики и другие заведения.

Долгое время женщины не имели доступа к образованию наравне с мужчинами. “Семь сестер” – американские женские колледжи (Маунт-Холиоок-Вассар, Уэллсли, Смит, Рэдклифф, Брин-Мор и Барнард) были основаны к 1889 году. Однако эти учебные заведения не могли похвастаться теми же ресурсами и программами, что Йель или Гарвард, поэтому нельзя сказать, что хотя бы один из этих колледжей по своему академическому уровню соответствовал мужским колледжам. Колледж Оберлин в Огайо был первым учреждением высшего образования в Соединенных Штатах, которое открыло свои двери для женщин. Последним университетом, разрешившим прием женщин, был Университет Вирджинии, и решение это было принято в 1970 году. Пространственные типы гендерной сегрегации присутствуют сегодня в североамериканских мужских и женских студенческих товариществах (*fraternities and sororities*¹⁶).

Что касается рабочих мест, то традиционно женщины работали в одном пространстве с женщинами. Это могла быть домашняя работа или работа учительницы. Работа на фабриках же заставляла женщин покидать свои дома и контактировать с мужчинами и технологиями на рабочем месте.

Гендеризированные пространства существуют в архитектурном и географическом масштабе. Например, в индустриальных обществах разделение носит географический характер, когда женщины работают телефонистками в здании, а мужчины – на улице в качестве ремонтных техников. Разделение можно охарактеризовать как архитектурное, если женщины работают вместе в оупен-спейсах в качестве секретарей, а мужчины работают за “закрытыми дверями” в качестве менеджеров.

Таким образом, и пространство, и институты социально сконструированы по гендерному критерию. Дома, в которых мы живем, и здания, в которых люди учатся и работают, отражают представления о правильных отношениях между членами семьи, коллегами и незнакомыми людьми. Как только пространственные формы создаются, они становятся институционализированными и закрепляют легитимность будущих действий.

Из российских исследований на тему гендерной структурированности социальных пространств, я хотела бы отметить статью Елены Гредновской о гендерном режиме поезда.¹⁷ Применяя термин социолога Рэйвин Коннелл “гендерный режим”,¹⁸ авторка демонстрирует гендерную сегрегацию пространства вагона – тамбур ассоциируется с мужским, а нижние полки – с женским.

В то же время ряд авторок считает, что однозначно поделить места и пространства на мужские и женские нельзя. Наиболее известные из них – исследовательницы феминистской географии – Дорин Мэсси,¹⁹ Лин-

да МакДауэлл,²⁰ Джилиан Роуз.²¹ Они вступают в полемику с такими культурными географами как Д. Харви и Э. Соджа, отмечая, что те игнорируют гендерное измерение пространств. Так, Роуз утверждает: “мыслить географично – мыслить в рамках параметров дисциплины, чтобы создать географическое знание, приемлемое для данной дисциплины – означает занимать маскулинную субъективную позицию”.²² Для них конструирование гендера имеет центральное значение для пространственной организации социальных отношений.

Роуз и ее единомышленницы подвергают сомнению прямую корреляцию между концептуализацией пространства и дихотомией мужественности–женственности. Так, Роуз выступает против упрощенных пространственных оппозиций, ведь пространства слишком сложны для типологизации. Она вводит понятие “феминистских карт”, которые являются множественными и пересекающимися, временными и изменчивыми, чувствительными к разнообразию географии гендера. Пространства, по её словам, “образуют многомерную путаницу многих социальных систем, каждая из которых обладает своей собственной пространственностью; некоторые пересекаются, некоторые автономны, некоторые дополняют друг друга, а некоторые противоречат друг другу, и все они изменяются исторически и географически”.²³

Мэсси написала одну из важнейших для феминистского дискурса о пространстве работу “Space, Place and Gender”,²⁴ которая стала классикой феминистской географии. В ней она следует линии пространственного поворота. Её основные тезисы: пространство – социальный конструкт. Социальное сконструировано пространственно. В пространстве сосредоточена власть, как реальная, так и символическая. Социальное пространство может состоять из конфликтующих пространств: это никогда не одно пространство, а множество пространств.

Мэсси вводит понятие “пространственной геометрии власти”²⁵ в отношении “дифференцированной мобильности”. То, с какой степенью свободы человек может передвигаться, то есть быть мобильным, отражает властные отношения в обществе. Концепция Мэсси охватывает многочисленные пространственные характеристики сложных сред/мест, где мобильность людей дифференцирована и переплетена с властью и властными отношениями. Как Соджа и другие теоретики “третьего пространства” она выдвинула пространство на передний план, чтобы понять социальную реальность множественных пространственных объектов.

Еще одно направление, которое можно выделить в феминистском дискурсе о пространстве, анализирует категорию гражданства и его пространственного выражения, связь пространства и национального государства, на-

цистроительства. Можно назвать его национально-гражданственным, и представлено оно такими исследовательницами, как Кэтлин Каннинг,²⁶ Мэрилин Лейк²⁷ и Мэри Райан.²⁸ Ещё одна исследовательница, которую важно назвать в контексте феминистского анализа категории “гражданства”, это Тови Фенстер.²⁹ Она анализирует понятие “принадлежности”. Чувство принадлежности может быть личным, интимным и частным, а также формальным, официальным, ориентированным на общественное признание. Так, практика ходьбы как передвижения как правило, является гендерной, поскольку повседневные передвижения женщин, как правило, обусловлены домашним разделением ролей по признаку пола – заботится о детях, делать покупки. Гендерное чувство принадлежности связано с отношениями власти и контроля, даже во внутренних и частных пространствах, таких как дом. Властные отношения также диктуют границы принадлежности. Чувство принадлежности и властные отношения связаны с приватным, то есть властью исключать, и публичным, то есть властью предоставлять доступ.

Л. МакДауэлл исследует пространственное воплощение в отношении национальных государств.³⁰ Пространственность государств очевидна – они обладают территорией, границами. Для феминистской географии важно показать привязанность, принадлежность женщин к определенной территории. Как пишет известная исследовательница национализма Найра Юваль-Дэвис,³¹ женщины часто вынуждены нести “бремя репрезентации”, поскольку они являются символическими носительницами самобытности и чести коллектива как в личном, так и в коллективном плане. Эту идею развивает и Марина Уорнер. Она исследует традицию олицетворения различных качеств с женщиной, женские аллегории для таких категорий как свобода, справедливость, мудрость и т.д.³² Ее интересует вопрос, почему такие абстрактные понятия представляются в первую женскими символическими фигурами. Особое внимание она обращает на живопись, и, что важнее в пространственном отношении, памятники. Памятник мужчине скорее будет именованным, в то время как памятник женщине будет обезличен и будет изображать либо качество (свобода) либо функциональную роль (мать). МакДауэлл выражает опасение, что раскол бывших национальных государств и их преобразование в новые нации оказали неблагоприятное воздействие на женщин, поскольку нарративы государственности, созданные этими новыми странами, имеют тенденцию напоминать о былой, возможно мифической, эпохе, когда традиции укреплялись мужским доминированием.

Эту точку зрения поддерживает исследовательница Елена Гапова.³³ Анализируя гендерный порядок в странах постсоветского пространства, Гапова приходит к выводу, что изменения в сфере нации и класса приводят

к реконфигурации гендерных отношений. Причем процессы нациестроительства, то есть построения государства на базе национальной идеи, делают гендерный порядок более патриархальным. В отношении Российской Федерации Гапова вводит понятие “восстание патриархата”,³⁴ имея в виду усилившееся гендерное неравенство и “одомашнивание женщин”,³⁵ произошедшее после распада СССР.

Безусловно, большую роль в феминистском дискурсе о пространстве играет тема телесности, и это – еще один раздел в феминистском дискурсе о пространстве, который мы можем назвать телесно-ориентированным. “Женское” традиционно ассоциировалось в культуре с “телесным”, в то время как “мужское” – с “бестелесным”. Об этом выразительно писала Симона де Бовуар,³⁶ подчеркивая, что женское тело ограничивает возможности женщины, в то время как мужчины представлены нематериальными или бестелесными в культуре. Особые биологические свойства женщин – менструация, деторождение и лактация – являются особенностями, которые “объясняют” не только их отличие от мужчин, но также их “неполноценность”. Традиционно география сосредоточивалась на общественной сфере, исключая сферу частного и тело с его атрибутами, перформативностью и сексуальностью определенно идентифицировалось именно как приватное. Именно поэтому для феминистской географии важно включать подобные “приватные” темы в дискурс, концептуализировать и политизировать их.

Мужчины и женщины по-разному занимают пространство. Об этом пишет участница архитектурной группы MATRIX Джос Бойс – еще в детстве, проходя через гендерную социализацию, девочки и мальчики используют пространство с отличиями.³⁷ Девочки играют в “компактные игры” (дочки-матери, магазин), в то время как мальчики более свободно передвигаются в пространстве – играя в футбол, «войнушку». До определенного возраста девочки тоже могут активно играть наравне с мальчиками, но затем к ним начинают применяться различные стратегии воспитания. Девочка не должна быть испачканной, с растрепанной прической, она не должна сидеть развалившись – наоборот, девочкам положено занимать как можно меньше места. Можно вспомнить позы женщин и мужчин в общественных местах: женщины всегда компактны, мужчины же стремятся занять побольше места, пример этому – мэнспрединг, ставший темой для дискуссии в последние годы.

По мнению МакДауэлл, исследования тела изменило смысл пространства, поскольку стало ясно, что пространственные разделения – в доме или на рабочем месте, на уровне города или национального государства – также затрагиваются и отражаются в воплощенных практиках и жи-

вых социальных отношениях.³⁸ Она отмечает скептицизм современников по поводу включения “тела” в пул пространственных категорий, однако на ее взгляд тело – пространство, причем с практически непроницаемыми границами, у тел есть география. Социолог Мартина Лёв в недавней статье о загорании топless на пляже утверждает, что пространства становятся гендерными через организацию восприятий и, в частности, взглядов и телесных техник, которые идут вместе с ними.³⁹ Сета Лоу также заявляет о важности тела для дискурса о пространстве.⁴⁰ Она отмечает, что игнорирование телесности происходит из-за сложности с разрешением вопроса дуализма субъективного и объективного тела.

Развивая идею Фуко, современные критические теоретики стремятся проанализировать различные способы, с помощью которых биополитика производит покорные тела в различных местах и локациях. Например, Поль Б. Пресиадо рассматривает архитектуру как биополитический инструмент производства гендера и сексуальности.⁴¹ Он проводит остроумные аналогии, демонстрируя, как связаны идея “Паноптикона”, о котором писал Фуко, и диалпак (контейнер для сортировки таблеток по дням приема), который Пресиадо называет “съедобным Паноптиконом”.⁴² Или, например, анализируя такой предмет женского гардероба как кринолин, Пресиадо приходит к выводу, что он играл роль “передвижного будуара” для женщины.⁴³ Жесткий каркас создавал пространство вокруг тела, предотвращая прикосновения к женщинам. По мнению Пресиадо, кринолин как бы создавал приватное пространство вокруг женщин при их выходе в публичную сферу. Он вводит понятие “порнотопии” и утверждает: “Порнография – это не набор образов и не дискурс: это биополитическая технология производства и пространственного распределения удовольствия, гендера и сексуальности в современном городе”.⁴⁴

В современных исследованиях телесности важное место занимает тема сексуальности, анализируемая в контексте проблематики пространства в работах Дэвида Белла, Джона Бинни, Джулии Крим⁴⁵ и Джилл Валентайн⁴⁶ на основе методологии Джудит Батлер и её концепции перформативности гендера.⁴⁷ Эти исследователи используют аргумент Батлер о том, что квир-идентичности являются оппозиционными, трансгрессирующими и пародирующими гегемонный гетеросексуальный режим.

Сьюзен Бест анализирует деление городов на феминные и маскулинные. Например, Париж 19 века – “квинтэссенция женственности, город дам. Все общественное пространство Парижа смягчается за счет ассоциации с женским, даже архитектура описывается как имеющая «грудные и вагинальные контуры»”.⁴⁸ Маскулинные же города – мегаполисы со стремящи-

мися вверх небоскребами. Как отмечает Лиз Бонди,⁴⁹ небоскребы ассоциируются с властью благодаря своей вытянутой форме, устремленной вверх: “Небоскреб громко говорит о мужском характере большого города”.⁵⁰ В то же время архитектура пригорода, одноэтажные отдельные дома, отсылает к женскому началу и даже – к идеалу гетеронормативной семьи, где в полной мере может раскрыться “истинно женское предназначение”.⁵¹

Дебора Фауш утверждает, что важной задачей стратегий феминистской архитектуры должно стать нарушение традиционной оппозиции “женское-тело/мужское-разум”.⁵² В качестве примеров она приводит монастырь Ле Корбюзье в Ла Туретт, Мемориал ветеранов войны во Вьетнаме Майи Лин и два парка – Welcome Park и Franklin Court. Для них характерно то, что Фауш называет воплощенным знанием (*embodied knowlege*) – главной характеристике феминистского субъекта в архитектуре. Она считает, что важно уделять должное внимание телесному, но не сводить автоматически все характеристики женского к телу.

По словам Лефевра, пространство производит социальные отношения. Подобное видение является важным для феминистских и гендерных исследовательниц и позволяет им применять эти идеи к области женского опыта. Феминистские и гендерные подходы к пространству разнообразны: основанием может быть отношение к фетишизации пространства – ряд исследовательниц поддерживают гендерно-бинарный взгляд, другие считают его упрощением и предлагают множественность. Еще один критерий методологических различий – масштаб исследования. Феминистская география работает на нескольких уровнях – от тела до государств. В рамках феминистского дискурса о пространстве формировались исследования об истории женского вопроса в пространстве, о трансформации пространства с учетом феминистской критики, а также работы, посвященные анализу того, почему женщина не имеет равных с мужчиной прав в условиях города. Среди называемых исследовательницами причин можно выделить проблему связи городского планирования с трудом, и что важно – с неоплачиваемым домашним трудом, закрепляющим дихотомию приватное-публичное, по-прежнему определяющую жизнь женщин.

¹ Вульф Вирджиния. *Своя комната*. М.: Азбука-Аттикус, 2019.

² Lorde Audre. *Sister Outsider: Essays and Speeches*. Berkeley: Crossing Press, 1984.

³ *Ibid.* P. 188.

- ⁴ Брайдотти Роза. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия. СПб.: Алетея, 2001.
- ⁵ Там же. С. 148.
- ⁶ Филиппов Александр. Социология пространства. СПб: “Владимир Даль”, 2008.
- ⁷ Lefebvre Henri. Production of Space. Cambridge: Blackwell, 1991.
- ⁸ Foucault Michel. Of other spaces // Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory. L.: Routledge, 1997.
- ⁹ Харви Дэвид. Социальная справедливость и город. М.: НЛО, 2018.
- ¹⁰ Soja Edward. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory (Radical Thinkers). New York: Verso, 2011.
- ¹¹ Moore Henrietta. Space, Text and Gender. New York/London: Guilford, 1996.
- ¹² Rosaldo Michelle. Women, culture, and Society: A theoretical Overview // Women, Culture, and Society. Stanford: Stanford University press, 1974.
- ¹³ Ardener Shirley. Women and Space. London: Croom Helm, 1981.
- ¹⁴ Spain Daphne. Gendered Spaces. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1992.
- ¹⁵ Bourdieu Pierre. Rules and Meanings: The Anthropology of Everyday Knowledge. Harmondsworth UK: Penguin, 1971.
- ¹⁶ Нет дословного перевода на русский язык, речь идет о студенческих обществах. В братства принимаются только мужчины, а в сестринства – только женщины. Причем зачастую братства имеют больше ресурсов и власти для проведения мероприятий и принятия решений, они также имеют более долгую историю из-за исторических ограничений права женщин получать образование.
- ¹⁷ Гредновская Елена. Под стук колес: гендерный режим поезда. Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики: материалы Российской летней школы по гендерным исследованиям. Под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. – Самара: “Самарский ун-т”, 2003, с. 226–234
- ¹⁸ Коннел Рэйвин. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2017.
- ¹⁹ Massey Doreen. Space, Place and Gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

- ²⁰ McDowell Linda. *Gender, Identity and Space: Understanding Feminist Geographies*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- ²¹ Rose Gillian. *Feminism and Geography: The Limits of Geographical Knowledge*. Cambridge: Polity Press, 1993.
- ²² Ibid. P. 4.
- ²³ Ibid. P. 134.
- ²⁴ Massey Doreen. *Space, Place and Gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
- ²⁵ Massey Doreen. *Power-geometry and a Progressive Sense of Place. Mapping the Futures: Local Cultures, Global change*. London: Routledge, 1993.
- ²⁶ Canning Kathleen. *Gender History in Practice*. NY: Cornell University press, 2006.
- ²⁷ Lake Marilyn. *The Inviolable Woman: Feminist Conceptions of Citizenship in Australia, 1900-1945. Feminism, the Public and the Private*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- ²⁸ Ryan Mary. *Gender and Public Access: Women's Politics in Nineteenth-Century America. Feminism, the Public and the Private*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- ²⁹ Fenster Tovi. *Gender and the City: The Different Formations of Belonging // A Companion to Feminist Geography*. NY: Blackwell, 2005.
- ³⁰ McDowell Linda. *Gender, Identity and Space: Understanding Feminist Geographies*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- ³¹ Yuval-Davis Nira. *Gender and Nation*. L.: Sage Publications, 1997.
- ³² Warner Marina. *Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form*. London: Picador, 1985.
- ³³ Гапова Елена. *Классы наций. Феминистская критика нацистроительства*. М.: НЛЮ, 2016.
- ³⁴ Там же. С. 8.
- ³⁵ Там же. С. 42.
- ³⁶ Бовуар Симона, де. *Второй пол*. М.: Азбука-Аттикус, 2017.
- ³⁷ MATRIX. *Making Space. Women and Man Made Environment*. L.: Pluto Press, 1984.

- ³⁸ McDowell Linda. *Gender, Identity and Space: Understanding Feminist Geographies*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- ³⁹ Лиw Martina. *The Social Construction of Space and Gender* // *European Journal of Women's Studies* 13, 2006.
- ⁴⁰ Low Setha, Lawrence-Zuniga Denise. *Locating Culture* // *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture*. Oxford: Blackwell, 2003, p. 1–47.
- ⁴¹ Presiado Paul B. *Gender, Sexuality, and the Biopolitics of Architecture: From the Secret Museum to Playboy*, 2013.
- ⁴² Ibid. P. 792.
- ⁴³ Ibid. P. 205.
- ⁴⁴ Ibid. P. 15.
- ⁴⁵ Речь идет о следующих работах: Adler Sy, Brenner Johanna. *Gender and space: lesbians and gay men in the city* // *International Journal of Urban and Regional Research*. №16, 1992; Bell David, Valentine Gill. *Mapping Desire*. London: Routledge, 1995; Valentine Gill. *Negotiating and managing multiple sexual identities: lesbian space-time strategies*. *Transactions of the Institute of British Geographers*. №18, 1993, p. 237- 48.
- ⁴⁶ Bell David., Binnie Jon, Cream Julia, Valentine Gill. *All hyped up and no place to go*. // *Gender, Place & Culture*. London: Routledge, 1994.
- ⁴⁷ Butler Judith. *Gender Trouble*. New York : Routledge, 1999.
- ⁴⁸ Best Sue. *Sexualizing space*. Eds. E. Grosz and E. Probyn (eds), *Sexy Bodies: The Strange Carnalities of Feminism*. London: Routledge, 1995.
- ⁴⁹ Bondi Liz. *Gender symbols and urban landscapes* // *Progress in Human Geography*, 16 (2), 1992, p. 157–170.
- ⁵⁰ Ibid. P. 160.
- ⁵¹ Ibid. P. 160.
- ⁵² Fausch Deborah. *The Knowledge of the Body and the Presence of History – Toward a Feminist Architecture*. *Architecture and Feminism*. New York: Princeton Architectural Press, 1996.